

# Всеволод Константинов

## Армянские записи

\* \* \*

До простых вещей тут жизнь растёрта.  
Я точу глаза о красный камень.  
Тут пейзажи в стиле натюрморта,  
как любил седой французский парень,

рисовавший гору-гору-гору  
каждый день, как делают зарядку.  
Разве это вдохновенье? Впору  
оторвать ненужную заплатку.

Пусть уж плоть откроется на язве.  
По уму, наитью, волшебству ли —  
как всё это делается разве  
так уж важно, если существует?

Об отце мы скажем и о сыне,  
а о духе что за разговоры.  
Ехала машина по равнине  
и пропала, потому что горы.

\* \* \*

Непроделанная дорога как незажившая рана.  
Или словно спишь и тебя позвали.  
Просыпаешься где-то в снегах Севана,  
на продавленном облаками перевале,

на подмёрзшем шоссе на пути в Тбилиси.  
Говоришь: взбодрись, нестарое сердце!  
Для того ли наставлены эти выси,  
чтобы можно было на них согреться?

Для того ли всё утро звенел будильник,  
чтоб теперь возвращаться в песочный город,  
в одноместный номер, включать холодильник...  
Ну а холод что? Да и где не холод.

Знаешь сам, что дело совсем не в Тбилиси.  
В том, что дальше, где мечется тень лосихи  
и хоронит лис целый выводок лисий  
в придорожных зарослях облепихи.

Знаешь сам, где родина, там непросто.  
Подними же дубовый листок лежалый.  
Есть на озере остров, разжалованный в полуостров.  
Вот туда бы пойти, пожалуй.

### **Татев**

Расскажу о Корлеоне доне.  
Осенью идёт на нерест рыба.  
Я ж заночевал в армянском доме,  
не дойдя немного до обрыва.

Днём по склонам собирал орехи,  
возле нор растягивался лисьих,  
наблюдал, как убегают реки,  
умыкая золотишко листьев.

Вечером мы пили с армянином.  
Водку звали «Белая дорога».  
Две бутылки, почивайте с миром,  
на двоих не так уж это много.

Было у хозяина три сына.  
Был он по профессии строитель.  
И мечтал: вот это будет сила,  
если трое станут как родитель.

Приберут к рукам завод бетонный —  
сильные, сплочённые мужчины —  
и с горы своей во все районы  
будут слать гружёные машины.

Но завод разрушен и оставлен.  
Нет, не ими — дух его покинул.  
Двое сыновей под Ярославлем,  
третий и совсем куда-то сгинул.

Может быть, я всё это придумал?  
Разговор наш, в общем, был молчаньем.  
А жена его несла долму нам,  
робко поторапливала с чаем.

Но, шатаясь, как морские птицы,  
шли курить мы на террасу сада.  
К нам тянулись из тумана кисти  
чёрного, как звёзды, винограда.

И в ночи, наполнившейся стоном  
шестерён, затянутых нестрога,  
шли машины, полные бетоном,  
и светилась белая дорога.

\* \* \*

Мне не хватает тебя — это странно  
произносить. Не веришь? Попробуй.  
Словно одна сторона моя рана,  
ну, не рана, допустим, а прорубь.  
То глядит в неё брошенная невеста,  
то ловец забрасывает наживку.  
Не моё, отчуждённое это место,  
на него так и тянет нашить нашивку —  
род занятий, награды, должность;  
залепить зиянье банковским чеком,  
как последняя — бессмысленная — возможность  
выглядеть человеком.

### **Французская тетрадь**

\* \* \*

Отключает город свои позывные.  
Раскрошились графитовые соборы.  
Семь столетий горгульи на стенах выли,  
а теперь опять вдохнули свободы.

Зажигают костры над родной трясиной,  
тянут слизь, охотятся за голубями.  
А одна проехала в очень красивой  
красной машине, покачивая губами.

Но осталась Европа в тенистых парках.  
На дорожке бегунья, на лавочке два педераста.  
И мелькает жизнь в неожиданных подарках.  
Пусть не белочка — крыса, а всё ж прекрасно.

\* \* \*

На заброшенном железнодорожном вокзале,  
между морем и сложной системой шлюзов,  
на таком пяточке, если б только знали,  
сколько минусов здесь и как мало плюсов,

я бы прожил жизнь. Выходил с утреча до ветра.  
Ветра много тут. Честно сказать, то, кроме  
ветра, мало тут есть чего — чайки, ржавая ветка  
дороги в курортный город в скальном проёме.

Почему полюбил это место? Ты сидела со мною.  
У тебя голова разболелась или желудок, скорее.  
И я нёс по мосткам, а волна поднималась стеною,  
пузырёк с лекарством от диареи.

### **Авиньон**

Влажное что-то — это губы твои?  
Слеп я всегда, а сегодня  
как-то особенно. Ты затвори  
ставни, пылает субботний  
день, колокольный слышится звон —  
это из церкви Пенитон Гри

скорбный любовный стон  
или платаны скрипят... Повтори,  
как говоришь ты, как говоришь.  
Что говоришь — мне не нужно  
знать, лишь дрожание губ и век  
в тёмной, как волосы, жизни, где лишь  
с тобой навсегда я хотел, но снаружи  
всё-таки пусть будет свет.

\* \* \*

Почему-то одна ты переходишь реку.  
На другом берегу каменистая отмель.  
Тут ты сбрасываешь рюкзак, поднимаешь руку,  
всё в порядке, мол, всё прекрасно... Вот ведь —

словно я и не знал, словно не я привел тебя в этот  
дикий край. Хорошо. Давай поиграем: я умер.  
Шелестят деревья, капли срываются с веток...  
Словно я и не знал, словно не я надоумил

взять рюкзак, спортивную обувь с мягкой  
нескользящей подошвой... Ноги не промочила?!  
Я поднимаю голову: кружит пчела над мятой,  
холм, река течёт медленно и молчаливо.

#### **солнце Аквитании**

не я отбрасываю тень на эту стену  
а колокольня за моей спиной

*Всеволод Константинов родился в 1972 году в Перми. Окончил географический факультет МГУ, учился в Литературном институте. Сценарист и режиссёр документальных фильмов. Участник творческого объединения «Алконостъ». Публиковался в различных журналах. Автор книг стихов «Седьмой путь» (2004) и «Побег» (2013). Живёт в Москве.*